

Ришар П.

5/X 1986.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ ● 5 ОКТЯБРЯ 1986 г. ● № 231 (9182) ●

— Встреча с Пьером Ришаром

Тот самый блондин

Почему он назначил мне встречу именно здесь: в роскошном отеле-особняке с укромной пылеской? Мох ковров, медь ламп, вкусно пахнущая кожа кресел. Восковые маски швейцаров и смуглые, загадочно маски постояльцев.

Поглядываю на часы: придет ли? И вообще, не ошиблась ли я адресом? Но нет, вот он позвонил в дверном проеме — высокий блондин в черных ботинках (двух!), в твидовом пиджаке, сползшем на левую сторону, в цветастом галстуке, сбившемся на правую. Двигается навстречу, беспечно помахивая журнальчиком, погружается в бездонное кресло и, устремив свои глаза цвета небесной лазури в мои, молча ждет вопросов. Я тоже держу паузу, по достоинству оценивая ситуацию, удивительно напоминающую какой-то кадр из какого-то фильма — с ним, с Блондином в главной роли.

— Идеальное место для интервью, — говорит он тихо и доверительно. — Здесь останавливаются в основном заезжие эмиры, шейхи и прочие нефтяные короли. Народ серьезный, французскими комедиями не интересуется. И не поддается моему существованию. Так что нас никто не потревожит.

— В других местах тревожат?

— Прохода не дают. Чаще всего уверяют, что я — вылитый артист кино Пьер Ришар. Но попадают и такие, которые согласны поверить в возможность повстречать на улице живого комика. Эти радостно подмигивают, гримасничают. Наиболее темпераментные трясут мне руку и дружески хлопают по плечу. Если испароком встреча происходит на проезжей части дороги, то сигналият, резко тормозят, сворачивают куда не следует. Я стал причиной нескольких дорожных аварий.

— Народная слава «звезды» кинокомедии обременительна?

— Она — мед, которым заедает горькое пренебрежение кинокритиков. Это — с одной стороны. Но существует и другая. Комик не имеет права быть грустным или хотя бы серьезным. Тогда к тебе подходят и обиженно говорят: «Ну и ну, а в жизни вы, оказывается, вовсе и не забавны!» К известному драматическому актеру, прогуливающемуся с сосредоточенным видом, никто не вздумает так подступиться... У великолепного карикатуриста Сампе есть рисунок. Клоун с красным носом в ярости кричит на своих непослушных детей: «Вот я вам сейчас задам трепку!» А детки покатываются со смеху. Тут — вся трагедия комика.

Мечтаю сам снять фильм на эту тему.

— Он не является режиссерским дебютом, поскольку когда-то уже довольно давно — вы поставили «Разиню» и «Несчастья Альфреда», где одновременно исполняли главные роли...

— Как действительно давно все это было. Я имсю в виду мое тогдашнее отнюдь не комедия я к себе в ней. Я считал, что моя задача — давать нолю безудержному, равшающемуся в бой комическому вдохновению. А зачем, почему? В это я не вникал. Витал в облаках.

— Если бы не витали, возможно, не было бы всеми любимого Пьера Ришара, не было бы Блондина, чье очарование именно в том, что он не ведает, что творит и что с ним творится?

— Нет, я, конечно, но за то, чтобы комедийный актер вечно ходил с большой головой из-за творческих мук и сомнений. Но помысли, что смех не бывает пенинным, ему необходимо усюйти: смоншими в комедии должны быть ситуации. Сам же герой в этих ситуациях предельно серьезен.

— Вы открыли для себя эту истину с чьей-то помощью?

— Приблизил к ней Ив Робер — виртуозный мастер комедии, который пытался на экран «Блондина», а затем организовал его «Возвращение».

Вплотную же подвел Франсис Вебер.

— Судьба Вебера заставляет в очередной раз задуматься о «неравномерности распределения лавров» между сценаристом и режиссером. Был он автором сценариев известнейших лент: «Зануды», «Великолепного», того же «Блондина». Но все это время оставался неизвестным. Однажды попробовал сам поставить свой сюжет. И мгновенно — имя, слава, широкое признание... Что толкнуло его к смене творческой деятельности?

— Простите за нескромность, но толкнул его я. И горжусь этим. Он принес мне текст «Игрушки» и спросил совета: кому лучше отдать? Я и посоветовал: отдай самому себе, никто другой не справится. Что из этого вышло, вы знаете: глубокий, беспощадный по своей правде фильм, на котором зрители смеются сквозь слезы. И смех их — достойный, воспитывающий, рождающий добрые чувства... Впервые мне тогда захотелось слезть с облаков и выразить через роль свое отношение к людям, к обществу.

— Кстати, о резервах. Легкомысленный и непрактичный, согласно экранной этикетке, Пьер Ришар несколько лет назад занялся коммерцией: открыл свою контору по производству и прокату кинофильмов. Ироническим улыбка окружающих не было конца...

— И напрасно. Меня всегда бесило то, как нетворческие люди бесцеремонно распоря-

жались результатами моего труда. Мне рисовали idiotские рекламные афиши, за которые я краснел на улице. Меня дублировали для экспорта чужими голосами. Меня, наконец, как попало «перелицовывали» в США. Покупая у французских продюсеров авторские права на фильмы, где я играю, американцы выпускали свои тусклые подделки под оригинал, в которых какие-то другие актеры делали копии с моих персонажей, выхолащивая из них суть. Высокий блондин с черным ботинком превращался в низкого брюнета с ботинком цвета спелого помидора. Теперь подобное исключено: фильмы с моим участием — под моим контролем.

...Все так же беспечно помахивая журнальчиком, он направился к выходу. И там его ждал сюрприз. Грузный, важный человек в чалме бесшумно приблизился к нему и... попросил автограф. Блондин обернулся и извиняюще улыбнулся мне: «Простите, ошибся. Шейхи тоже, оказывается, уважают французские комедии».

Елена КАРАСЕВА.
Париж — Москва.

438